

О пермской «культурной революции» не писал в последнее время только ленивый. Тем не менее вопрос о том, можно ли с помощью культурного ресурса вдохнуть новую жизнь в один, отдельно взятый, провинциальный город, волнует сегодня и журналистов, и культуртрегеров, и жителей самого города. Автор этого текста приглашает коллег к взвешенному профессиональному обсуждению и предлагает для анализа цепочку событий.

Юлия Тавризян,
Пермская художественная галерея,
Пермь

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития глазами его участника

Само появление «культурной» команды М. Гельмана в 2008 году разворошило пермский культурный улей. Новые выставки, новый театр (сцена «Молот» под руководством Эдуарда Боякова — вариант московской «Практики»), громкие музыкальные проекты, реализуемые продюсером Александром Чепарухиным, а затем и приглашение в качестве художественного руководителя Театра оперы и балета Теодора Курентзиса вместе с его оркестром «Musica Aeterna» — всё это открыло совершенно новые возможности для встреч с культурой жителей края. А если к этому добавить многочисленные фестивали, на которые приезжают серьёзные артисты, музыканты, исполнители, то вообще не понятно, чем можно быть недовольным? А между тем недовольство жителей Прикамья приобрело уже опасный

градус. Этим летом со страниц газет и из кабинетов чиновников оно выплеснулось на улицы и приобрело вид митингов и писем Президенту¹... С тех пор разговоры о Перми не утихают.

Обратившись за информацией к СМИ, мы узнаем первым делом, что город Пермь как будто появился в культурном пространстве России с приходом сюда Марата Гельмана. Уточним — «появление» это состояло в том, что пермская культура получила вдруг заметное отражение в пространстве лишь медийном. Что же касается культурного статуса города и края, то такие явления, как Пермский звериный стиль, Пермская деревянная скульптура, Пермский балет, были известны в стране и признаваемы как несомненные отечественные культурные ценности. Составляя собою по праву предмет гордости пермяков и являя основу событийного ряда жизни города. Были и международные «Дягилевские сезоны», на которые съезжались артисты и знатоки, поскольку имя Дягилева впервые в России вспомнили его земляки (первые сезоны состоялись в Пермской художественной галерее в 1987 году). Была «КАМБА», этнофутуристический фестиваль, значимый для финно-угорского мира. Существовал международный фестиваль документального кино «Флаэртиана». Но это была известность камерная, локальная и именно «культурная», которая мало была связана с именем города.

«Пермский проект» создавался не на пустом месте. Вновь образованный административным способом регион его руководство решило превратить в полигон для апробации западного опыта развития с помощью современной культуры. Текст концепции был опубликован в 2010 году, когда уже два года в Перми существовал Музей современного искусства, руководимый Маратом Гельманом. Известный галерист в Перми появился в 2008 году вместе с сенатором Сергеем Гордеевым, который финансировал прекрасную выставку, организованную Гельманом: знаменитое уже «Русское бедное». Сегодня этот проект прокатился не только по России, но и по Европе. В то же время очевидно, что нужен Гельман в Перми не только как московский галерист, сколько как политехнолог, способный революцию придумать, привлечь нужных людей и осуществить. Тогда же появились новые культурные феномены, приобретшие громкое звучание. Старые ока-

«Красные» (Red People).
Проект группы «Professors»,
Санкт-Петербург.

Городская среда

зались забыты или упрятаны в новую оболочку. Это, видимо, своеобразный «подростковый синдром»: все родители, у которых есть дети-подростки, знают, что «раньше всё было не так, взрослые ничего не понимают, разговаривать с ними бесполезно, и вообще, жизнь началась с нас». Так и в нашей культурной ситуации: всё, что было сделано до «пришествия» — либо плохо, либо этого просто не было никогда.

Многое приобрело совсем иной формат. Те руководители проектов, которые смогли найти с новыми лидерами «общий язык», приобрели большую известность (так случилось с П. Печенкиным и его «Флаэртианой»), другие проекты, если их лидеры не смогли договориться — закрыли. Например, сегодня «КАМБу» её руководитель Наталья Шостина переформатировала полностью, фестивали проходить перестали.

¹ www.snob.ru/selected/entry/37744,
www.fedpress.ru/federal/polit/vlast/id_237179.html.

У Натальи хватило сил отказаться от предложенного продюсером Александром Чепарухиным варианта с приглашением «мегазвёзд», что абсолютно меняло смыслы изначально задуманного действия. Вместо фестиваля «КАМ-ВА» в Пермь пришло «чепарухинское» детище «Движение», которое имеет, безусловно, своё значение и звучание, но финно-угорский тренд — увы — потерялся. Н. Шостина делает под этим названием другие программы. Так же произошло и с Биеннале бумаги, предложенной Пермской галереей, но проведённой без неё Музеем современного искусства. И, наконец, «Дягилевские сезоны» тоже передали другому руководителю — новому худруку Пермского театра Оперы и балета Теодору Курентзису. Вполне возможно, сами проекты благодаря этим преобразованиям станут

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития глазами его участника

более эффектными и громкими. Но сохранится ли их содержание, когда идеи передаются в чужие руки без согласования с авторами?

И в чём же **проектность** происходящего, когда вместо внесения новых идей подвергают безжалостной метаморфозе прежние, превращая их в «громкие» фестивали? Зачастую дублирующие московские?

Наверное, всё дело в том, что мы — старые кадры то есть — привыкли слишком долго просчитывать, обдумывать, работать со смыслом и содержанием, упуская возможности расширить проект, упаковать его в красивый фантик. Жаль только, что проходит время, и в результате часто только этот фантик и остаётся. Кого винить? Сами упустили. Ведь во всех революциях, в том числе культурных, позиции

определяются жёстко: кто не с нами, тот, сами знаете где... Наверное, дело в том, что нам никогда не приходило в голову, что «продукт», над созданием которого «старые кадры» привыкли работать долго и тщательно, уделяя время содержанию и смыслам, можно сделать быстро и эффектно, сосредоточившись не на «контенте», за который будут собственно отвечать те, кого пригласят в качестве участников, а на подаче, на продвижении самого события. И пусть, если после события не останется ничего, кроме того факта, что оно состоялось.

Громкие протесты в Перми начались с выступления Пермского отделения Союза художников, когда в ответ на обращение за финансовой помощью для участия в выставке «Большая Волга», оно получило от Министерства культуры Пермского края не деньги,

а циничный скандал, обусловленный тем, что государственные чиновники попытались вмешаться в дела культурной институции (а Союз художников — это общественная организация, соответственно, тоже институция). Правление Союза художников вместе с руководителями профсоюза работников культуры до сих пор стоит в центре всего протестного «движения», выходит на митинги и пишет письма Президенту. Тон этих выступлений, мягко говоря, оставляет желать лучшего. «Борцы за идею» вместо конструктивных переговоров и предложений, вместо попыток продемонстрировать собственные успехи и результаты скатываются на уровень местечкового злопыхательства. Надо отдать должное самим художникам, а не их руководству. Многие из них давно и успешно сотрудничают

Длинные истории
Перми — 2011.

а... предложения переформатировать пермскую часть выставки. Была собрана экспертная комиссия во главе с тем же Маратом Гельманом, разработавшая новую концепцию участия в подобных выставках². Почему это вызвало такое возмущение функционеров Союза, честно говоря, непонятно: зональные выставки давно уже проводятся только для участников и не вызывают интереса ни у зрителей, ни у специалистов. Километры однотипной живописи не дают возможности определить даже, из какого региона прибыло данное полотно. Так вот, в ответ на предложение Министерства разразился первый информа-

с новой программой. Был создан спецпроект «Вектор Перми», в рамках которого проходят персональные выставки, в том числе и выставка Михаила Павлюкевича и Ольги Субботиной в Государственном Русском музее. Многие из наших художников участвовали в проекте «Белые ночи в Перми».

Впрочем, с выступления Союза всё же началось противостояние Министерства культуры, которое стало «инструментом» продвижения Пермского края (именно с этой целью Гельман с командой и пришли в город), и большей части деятелей местной культуры. Опуская сейчас разговоры о том, каковы собственные цели «пришельцев» и администрации Пермского края, можно даже на этом примере заметить противоречие между целями и средствами, выбранными властью. Государство, принципиально

² www.nr2.ru/perm/229860.html. Возмущения происходили под лозунгом «пристыдить «волонтеристов», пользующихся административными ресурсами», и не дать развернуться «культурной экспансии со стороны москвичей и прочих иногородних».

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития
глазами его участника

закрепив это на уровне опубликованной политики, сняло с себя «меценатские» функции поддержки местных деятелей и стало выступать заказчиком, казалось бы, перейдя на рыночные отношения. Любопытно другое — что в данном случае субъектом рыночных отношений выступило само государство. Оно стало не гарантом этих отношений, а участником рынка, заказчиком, опирающимся на частный вкус. При этом оперирующим бюджетными средствами. Об этом подробно писал Игорь Аверкиев, председатель Пермской гражданской палаты, например, <http://www.pgpalata.ru/reaction/0037>.

С другой стороны, раздавая деньги по принципу выборности (заказа), государство ставит художников (и продюсеров) в полную зависимость: делай то, что мне надо — получишь средства на проекты. А это ооочень напоминает недавнее советское прошлое: шаг вправо, шаг влево от «Пермского проекта» — и ты оказываешься предоставлен сам себе. Казалось бы, что может быть лучше? Формируется конкуренция — основа нормального развития экономики общества. Но, по сути, это лукавство. Художник в этой ситуации будет ориентироваться не на вкусы потребителя, и бороться не за успех в обществе, а за благоволение конкретной группы людей, олицетворяющей в данном случае власть. Таким образом, конкуренция опять превращается в задачу слонов. Совок?

Однако несправедливо было бы говорить, что то, что предлагается самой командой, тоже отдаёт «советским духом». Скорее, наоборот. Начав «наступление» современной культуры по всем фронтам (модно сегодня с помощью военной лексики изъясняться, что ли?), наши модернизаторы создали возможность для вхождения зрителей в контекст даже не только российской, но и мировой культуры. В качестве лучших проектов можно назвать театральные фестивали «Текстура» и «Большая перемена», руководимые Э. Бояковым (жаль, что разойдясь во взглядах на «Пермский проект» с его организаторами, Эдуард практически свернул остальную деятельность в Перми), поэтический фестиваль «СловоНова». Выставки в Музее современного искусства, особенно на начальном этапе, когда помимо государства они поддерживались и частными партнёрами (сегодня также ушедшими вообще из региона или только из проектов Минкульта), представляли самые яркие имена современной художественной сцены, возможно, не самые новые, но очень

известные. Даже мы, профессионалы в сфере искусства, ещё несколько лет назад приезжая в Москву, советовались со знакомыми художниками и искусствоведами, куда пойти, чьи работы стоит приобретать в коллекцию музея. Сейчас — за неполные три года — мы стали достаточно свободно ориентироваться в современных художественных процессах, спасибо Марату и его выставкам. И пусть какие-то из них казались весьма спорными. Однако практически все они вызывали интерес.

Хочется такой пример привести: одна из выставок, «Якщо», представляла современное искусство Украины. Среди её посетителей были люди из области, из депрессивного района, почти умирающего после прекращения добычи угля. Их поразило, что «кто-то из художников вообще интересуется

Почти все наши провинциальные города выглядят одинаково: украшены более чем скромно; улицы перегорожены заборами, за которыми скрывается долгострой, правда, в одних городах всё же есть красивые набережные и пешеходные улицы, другим повезло ещё меньше. Пермь всегда относилась к этой самой последней группе. Теперь ускоренными темпами реализованы проекты, начатые в предыдущие годы. Иногда эти идеи укрупняются, иногда дискредитируются, иногда приобретают новое цельное звучание. Это и «Зелёная линия» — замечательный, на наш взгляд, пример создания городской навигации, инициированный муниципалитетом. Благодаря этой линии, реально начерченной на асфальте центральных улиц с информационными панелями в ключевых точках, стало легко найти

Расписанный фресками фасад здания бывшего Пермского Высшего Военного Командно-Инженерного училища им. маршала Чуйкова (ВКИУ). Автор — группа «Zuk_klub», Москва. Фото А. Хомутова.

нашими (т.е. шахтёров) проблемами», — говорили они о серии работ Романа Минаина о шахтёрах-кротах и шахтёрской же Мадонне.

Начали меняться и улицы города. Люди, возвращающиеся сюда после долгого отсутствия, поражаются, как преобразилась Пермь, насколько она стала ярче. Программа публик-арта Музея современного искусства — самое «зримое» проявление обновления культурной политики города, поэтому вызывает больше всего разговоров, споров, размышлений и требует специального обсуждения. Руководитель программы Наиля Алахвердиева, приехав из Екатеринбурга в Пермь, за какой-то один год провела огромную работу по преобразению улиц города.

большинство исторических памятников, следуя по проложенному маршруту. Закономерным завершением этого проекта стал новый маршрут по романтическим местам, связанным с жизнью известных пермяков («Красная линия»). К этому же кругу я бы отнесла и «огораживание» квартала на улице Кирова, который стал пешеходным. Этот проект также начинался в стенах городского Комитета по культуре, но рассчитывался на несколько лет. Сегодня его реализовали за считанные дни. И вот здесь мы впервые сталкиваемся с проблемой качества реализации проектов. Казалось бы, что может быть плохого в создании пешеходной улицы в центре города, да ещё с выделением «творческого кластера»:

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития
глазами его участника

здесь и работающая кузница, изделия которой выставляются тут же на тротуаре, и «гаражи»-киоски, в которых продаются именно пермские сувениры, работы художников, маленькие дизайнерские вещицы? Плохим оказывается как уровень исполнения этих самых изделий (чудовищные кованые фигуры), так и качество второпях постеленного газона, дизайн самих огромных «киосков», перегородивших здания — исторические памятники, примеры губернской архитектуры 19 века. **Второпях** — ключевое слово. Руководители программы на вопрос, почему все объекты ставятся именно в центре, а не в каких-то других местах — город-то длинный, 65 километров, неоднократно отвечали: «Нам некогда даже остановиться и подумать».

Ряд проектов оказался очень удачным. Это «Длинные истории», проходивший под девизом «срочная реанимация городской среды» и расцветивший километры унылых бетонных заборов силами известных граффитистов из разных стран и городов.

Граффити вообще стали в Перми популярным средством «замаскировать» руины. Среди многочисленных граффити особо выделяется огромная роспись стены, а точнее, руин, оставшихся от бывшего Пермского высшего военного командного училища ракетных войск («Богема» группы «Zuk klub», Москва), и «роспись», представляющая Гомера, смотрящегося в зеркало и отражающегося в нём в виде Гомера Симпсона (автор Роман Минин), на здании гимназии им. Дягилева — очень смешная и красивая картинка. При этом начинают выстраиваться интересные ассоциации: бывшее здание ракетного училища, вместившего именно военную историю, «заселяется» светскими — во всех смыслах (и штатскими, и действительно светскими — богемными), персонажами. История начинает «прорастать» современностью: предыдущий период жизни Перми, ушедший в прошлое, объединяется через настенные росписи с современностью. Древняя история (сам сюжет) пересекается с новейшей (окружающий пейзаж и здание) благодаря использованию средств современного искусства. Как сказала Наиля Алахвердиева: «Руины, превращаясь в объект рефлексии, становятся самодостаточным культурным артефактом». Таких культурных артефактов в городе становится всё больше. Большая часть из них — декоративные, яркие, расцветившие, изменившие серые улицы

города там, где появились эти «Длинные истории».

Что ж, раз уж заборы не сносят, то их хотя бы сделали эффектными. Вообще-то это очень показательный пример: завуалировать, спрятать подлинные градостроительные проблемы за «занавесочками», как в старом советском анекдоте, и «качаться, а все будут думать, что мы едем». Но сами граффити, безусловно, внесли улыбку в городской пейзаж.

Хорошим был и проект «Идущий человек» (автор Майя Баркай, американская художница и фотограф; баннер представляет изображения разрешающего сигнала светофора в разных городах мира) — он создаёт художественный мост между странами и континентами, делает их в чём-то знакомыми. Идущие фигурки очеловечивают безликое пространство, заинтересовывают «настоящих» людей, проходящих мимо, придают более открытое и «говорящее» настроение урбанистическому пространству. Забавно, что Зелёные человечки Майи не вызвали совсем никакой публичной реакции, в отличие от «Красных» — самого громкого и вызывающего до сих пор (больше года прошло) протесты проекта группы «Pprofessors» из Санкт-Петербурга (авторы Андрей Люблинский и Мария Заборовская). Красные и белые кубики, такой увеличенный конструктор «Лего», собираются в фигурки стоящих и сидящих на высоких стульях, катающихся на самокатах и взгромоздившихся на крыши игрушечных персонажей с маленькими квадратными головами (<http://publicartperm.ru/content/red-people-0>). О красных человечках писалось столько, что уже одно их упоминание теперь сразу ассоциативно отсылает к Перми. И это очень любопытный феномен: знаком города становится, в общем-то, обычный дизайнерский приём, некий ритмический акцент, размещённый над крышей городского здания. Фокус в том, что этой крышей стало здание, стоящее рядом с Законодательным собранием Пермского края. Множество аллюзий, связанных с поднятой рукой человечка, сразу пришло на ум местным законодателям. Начался очередной рг-скандал. В то же время, обычные люди жест человечка понимают совсем по-другому. Например, этот же человечек в «сувенирном исполнении» частенько ставится за задним стеклом автомобиля, определённо показывая проезжающим, что водитель думает о других участниках движения.

Однако надо отдать должное авторам, стойко переносящим все нападки: ведь сидит-то на крыше Red Man только один, остальные стоят, сидят на стульях, катаются — составляют целую группу перед зданиями краевой администрации и Музеем современного искусства. Но про это мало кто помнит.

На самом деле, красные человечки, «расползлись» они из центра по всему городу, включая спальные районы, могли бы стать основой архитектурно-городской среды. Разрывая стандартный ритм крыши и внося цветовое разнообразие, акценты в серую гамму брежневско-хрущёвской застройки. Было бы забавно встречать их в скверах и на перекрёстках, тем более что часть из них — на «самокатах». Можно было даже не увеличивать их количество, а просто перевозить с места на место. Тем самым, будь на то желание, руководители программы могли бы снять напряжённость, «подружить» их с местными жителями. Однако фигурки продолжают раздражать депутатов, поскольку сосредоточены в одном общественном пространстве. Можно надеяться, что эта задача отчасти будет решена другим проектом Андрея Люблинского — «Автопарком».

Второй спорный проект — «Яблоко» Жанны Кадыровой, также возникший, что называется, с колёс, совершенно не воспринимается пермяками как художественный объект. В чём же причина? Казалось бы, объект предельно понятен: тема яблока настолько широко используется мировой культурой, что даже неловко объяснять людям про райский сад и начало начал. Вкусив яблоко, Адам стал мужчиной, а Ева — женщиной. Яблоко — не только символ мирового древа, но и познания. Знание, получаемое человеком, связано с историей, её пониманием. «Откусанное» яблоко ассоциируется и с разрушенным совершенством (а форма яблока — его символ), и с самым актом познания. Пермское «Яблоко» стоит рядом с краевой библиотекой — самым большим хранилищем знаний, чего уж тут объяснять? Помимо этого, оно внутри сложено из кирпичей от разрушенных старых домов, хранящих историю города в своей материальной памяти. Объект поставлен очень удачно: сама архитектура библиотеки, площадь перед ней как будто заключают сферическую скульптуру в свои объятия. Почему же такое возмущение вызывает «Яблоко» у пермяков? Только ли потому, что

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития
глазами его участника

«тёмные» люди не умеют считывать культурологические смыслы? Думается, это не совсем так. Раздражение вызывает «несделанность» объекта: плохо наклеенная кафельная плитка, не выдерживающая уральских морозов, небрежность в наполняющих этот объём кирпичах — это в принципе характерные для многих объектов современного искусства черты. Не всего искусства, а того, которое показывается в Перми. Зрителям непонятно, почему эти плохо состряпанные предметы стали считаться произведениями искусства. Да и специалисты считают, что период, когда на первом месте стояла идея, а вопрос художественного качества, ремесла вообще уходил на второй план — заканчивается. По крайней мере, многие проекты, представленные на последних крупных международных выставках, говорят о тенденции, и более того, подчёркнутом стремлении к мастерству.

Вполне возможно, что неутраченные крики и споры в прессе, в такси, даже в домашних компаниях можно отнести на счёт успешности проекта «Паблик-арт в Перми». Однако, на мой взгляд, если бы людям объяснили сразу, что такое паблик-арт, для чего он существует, как программа реализуется и какими средствами, многих скандалов можно было бы избежать. Ведь «Паблик-арт» — публичное искусство — социальное по своей сути. Ориентированное на изменение городской среды, оно, в то же время, поднимает современные социальные проблемы. Публичное искусство в публичном пространстве, казалось бы, должно само по себе выходить на обсуждение этих самых проблем, в том числе проблем города, его облика, его инфраструктуры. У нас же происходит обсуждение объектов, но не ситуации. Может быть, пора уже самим организаторам проблемы повернуть дискуссии в актуальное русло? Может быть, задать вопросы пермякам? Но неизбежно приходишь к выводу, что люди, те, для кого собственно программа реализуется, мало интересуют организаторов. Они хотят пермяков перевоспитать в духе современного искусства и осчастливить, сделав их город не таким, как все, отличающимся и нарядным. Если честно, то помимо ставшей крылатой фразы Костика из «Покровских ворот» «нельзя осчастливить насильно», здесь хочется вспомнить один спектакль, кстати, также привезённый в Пермь (в рамках фестиваля «Большая перемена»). Это спектакль петербургского Малого драматического театра — Театра

Европы «Муму» (постановка В. Фильштинского). Барыня в режиссёрской трактовке уничтожает жизнь Герасима (сначала выдав любимую им девушку за пропойцу, а затем, приказав убить неприласкавшуюся к ней собачку) просто потому, что убеждена: она всё знает лучше всех. «Её правота и её право несомненны; она знает, КАК НАДО», — как писала ещё в 2007 г. Анна Гордеева в газете «Время новостей», имея в виду совсем другой контекст, конечно.

Пермские культурные реформаторы делают своё, независимо от того, кто и что говорит. Делают и создают прецеденты для России. Если бы не было примеров в мировой практике, к которой, кстати, апеллируют авторы модернизационной программы, можно было бы сослаться на метод проб и ошибок. Однако вариантов в мире апробировано

ли, какие, собственно, проблемы существуют именно здесь. Оказалось, что, например, в восприятии горожан их три: первая — то, что перестала существовать связь, паром между Фолкстоуном и Булонью (городок стоит на берегу Британского канала — Ла Манша, это самое узкое место между Францией и Великобританией). И вот художница Тасита Дин садится на катер, плывёт тем маршрутом, который был у парома, снимает море, а затем создаёт объект видео-арта «Амадей» на основе этой поездки. Вот, господа фолкстоунцы, вот оно, ваше море, оно такое же, каким вы его помните. Вторая проблема города обусловлена тем, что в силу его относительной неблагополучности выросло уже второе поколение малолетних матерей. Поскольку социальная поддержка в Великобритании стоит на

«Пермские ворота». Автор — Николай Полисский.

множество. Есть, например, Триеннале современного искусства в английском городе Фолкстоун, где ситуация маленького депрессивного городка также меняется средствами современного искусства. Очень много общего с Пермью: один богатый горожанин, решив улучшить состояние города, обратился в крупную лондонскую галерею «Серпентайн», муниципалитет вложил такую же сумму, как и меценат, и завертелось! Куратор Андреа Шликер пригласила ведущих художников, как английских, так и зарубежных, и в 2008 году состоялась первая фолкстоунская Триеннале. Однако, во-первых, приглашённые художники, прежде чем делать свои проекты, приехали в город и выясни-

высоком уровне, то молодым девчонкам, матерям-одиночкам, сразу полагается муниципальное жильё и пособие, на которое они живут, не работая. Их дети, видя перед собой этот пример, ведут себя так же. И количество неработающих жителей стало представлять угрозу для городского бюджета, наполняемого из налогов. Познакомившись с этой проблемой, известная английская художница Трейси Эмин «разбросала» по городу маленькие, но очень щемящие «предметы» — варежки, носочки и другие детские вещишки как напоминание о «потерянном» поколении. Третья проблема, забавная для туристов, но, видимо, значимая для самих жителей: поскольку город находится на берегу

Едем или качаемся?

Пермский опыт развития
глазами его участника

моря, там живёт огромное количество чаек, которые становятся просто угрозой для домиков, стоящих у береговой линии. И фолкстоунцы чаек ненавидят. А для Англии, где существует культ птичек, культ любования ими, эта проблема становится неожиданной и «громкой». «Ответный» проект создаёт Марк Дион, строя настоящую Мобильную чайку — огромную птицу на колёсиках, которая в течение всех месяцев работы Триеннале ежедневно перевозилась из одного района города в другой. Внутри находился монитор с объектом видеоарта и настоящий научный комментарий орнитолога о красоте и пользе этих птиц. «Чайка» пользовалась большим успехом горожан. Конечно, была масса и других объектов, выставочных пространств, но именно эти стали ключевыми. А остальные уже не вызывали отторжения местных жителей. О самой Триеннале и путях её организации мы узнали непосредственно от куратора, г-жи Шликер во время поездки в Великобританию, организованной Благотворительным фондом В. Потанина и Британским советом для победителей конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире». Сайт Триеннале сегодня говорит о том, что и проект 2011 года построен на тех же принципах³. Помимо собственно объектов, сама организация Триеннале была ориентирована на местных жителей: ещё перед подготовкой в мэрию были приглашены все представители малого бизнеса (отели, такси, кафе), которым рассказали, что будет происходить, и как нужна их работа. Был перепрофилирован квартал в центре города, где магазинчики стали продавать сувенирную продукцию. И, наконец, был пущен скоростной поезд от Лондона до Фолкстоуна, который (sic!) не был упразднён после окончания выставки. Первыми зрителями стали тоже горожане. Они были приглашены на просмотр ещё до пресс-показа. И первые тридцать тысяч посетителей (а в городе население всего 65 000) — это местные жители. Общее же число посетителей Первой Триеннале — 120 000 человек, сопоставимо с фестивалем «Белые ночи» в Перми, с той разницей, что население нашего города — почти миллион человек. А это было самое грандиозное событие за время «Культурной революции».

Вот официальные данные: «Было выяснено, что общее число уникальных посетителей фестиваля составляет

³ <http://www.folkestonetriennial.org.uk>.

146 тыс. человек. Лишь 16 тысяч были туристами, из них треть — участники фестиваля, треть — жители Пермского края и столько же — зрители из других регионов». По сравнению с затратами (порядка 130 млн рублей), и посещаемость, и доходы не очень впечатляют. Да и мнения об уровне проведённых мероприятий было весьма противоречивым. Интересно, что «Белые ночи», видимо, не позиционировались организаторами как «культурное событие». По крайней мере, в интернет-поиске на запрос «культурное событие» такого ответа не было. Перечислялись фестивали и премьеры — от Франции до Нижнего Новгорода, выставки и даже показ фильмов в формате 3-D в Мончегорске. Но «Белые ночи в Перми» появлялись только при запросе их названия. А ведь по замыслу организаторов, фестиваль должен был привлечь в регион туристов. Если говорить честно, то целый ряд проведённых акций должен был действительно стать событием: например, фестиваль иллюзионистов «Белая магия» и фестиваль фортепианных дуэтов, фестиваль лэнд-арта и ярмарка «Книжная площадь», фестиваль «Большой Кавказ» и резиденция «Современная деревянная скульптура в Перми»... Однако отсутствие идеологии привело к путанице в головах зрителей.

Словарь синонимов даёт к слову «событие» совершенно противоположные по смыслу определения. Так и в нашем фестивале — одни события стали «Инцидентом», «Казусом», «Курьёзом», а другие — «Явлением», «Сенсацией», «Историей». Жаль только, что последние потерялись в массовом потоке и остались незамеченными публикой.

Любопытно, что новый фолкстоунский проект открылся параллельно с «Белыми ночами», в июне текущего года, и его девиз: «За миллион миль от дома». Участниками и авторами проектов стали как художники из разных стран (Алжир, республика Косово, Бразилия, США, Германия, Великобритания...), так и местные художники, имеющие опыт работы или посещения удалённых регионов мира. Вместе они принесли в Фолкстоун свои истории, вместе стали искать «соединительные нити», которые могут сделать маленький городок на краю океана местом «середины мира», местом пересечения интересов и создания новых связей. И думается, такое взаимодействие может оказаться весьма продуктивным в деле придания городу нового статуса и продвижения

его имени в мировом масштабе. Может быть, иметь это в виду?

Культурная ситуация в Перми, без сомнения, лучше и интереснее, чем в массе других городов России. Об этом говорят наши земляки, живущие сегодня в различных регионах страны. И всё же обидно, что уделяя столько внимания культуре — мы же об этом так мечтали! — команда «Пермского проекта» множит привычные формы, увлекаясь «оболочкой». Жалко, что не может и не хочет найти общий язык с местными профессиональными сообществами, редко учитывает их мнение. Акцент на PR происходящих изменений, безусловно, нужен, но очень важно, чтобы этот самый PR не заменил собой собственно изменений, не стал декорацией, скрывающей руины профессиональной, классической базовой культуры, на которой должно вырастать и вновь посаженное дерево.